

Харабаева Виктория Ивановна

ПЕРСОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ АДРЕСАНТНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается персональная ситуация определенно-личной адресантности как способ проявления позиции говорящего или как функционально-прагматический вариант представления отправителя речи в высказывании на материале якутского языка. Для выявления персональной ситуации адресантности рассматривается функционально-семантическое поле соответствующих средств выражения персональности, центральных и периферийных. Основное внимание автор акцентирует на функционирование личных аффиксов и выявление не грамматических средств выражения персональности, а также проявление прагмасемантического потенциала персональной ситуации адресантности в якутском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 191-195. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.512.157'36

Филологические науки

В статье рассматривается персональная ситуация определенно-личной адресантности как способ проявления позиции говорящего или как функционально-прагматический вариант представления отправителя речи в высказывании на материале якутского языка. Для выявления персональной ситуации адресантности рассматривается функционально-семантическое поле соответствующих средств выражения персональности, центральных и периферийных. Основное внимание автор акцентирует на функционирование личных аффиксов и выявление не грамматических средств выражения персональности, а также проявление прагмасемантического потенциала персональной ситуации адресантности в якутском языке.

Ключевые слова и фразы: персональность; персональная ситуация; адресантность; центральные и периферийные средства; якутский язык; личная форма глагола; аффиксы лица; личные местоимения; именная категория сказуемости.

Харабаева Виктория Ивановна

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
stabilo.83@mail.ru*

ПЕРСОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ АДРЕСАНТНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА)[©]

Персональностью в лингвистике называют семантическую категорию, характеризующую участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам речи – прежде всего говорящему [25, с. 5]. Персональность считается актуализационной категорией, это выражается в любом высказывании. Говоря о том, что семантика персональности как актуализационной категории представлена в любом высказывании, представители функционального направления проводят четкое различие между двумя типами персональной семантики. Первый тип – категориальные грамматические значения форм лица глаголов и местоимений. Второй тип – некатегориальные значения персональности, выражаемые семантикой персональности за пределами грамматических форм лица [Там же, с. 10].

Для анализа типов, разновидностей и вариантов семантической категории персональности в ее речевых реализациях может использоваться понятие персональной ситуации. Персональная ситуация представляет собой тот аспект передаваемой высказыванием общей ситуации, которая включает в себе отношение к лицу [Там же, с. 11]. Могут быть конкретно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные ситуации персональности. Каждая из типовых ситуаций располагает подсистемой функциональных вариантов и полем соответствующих средств выражения персональности, центральных и периферийных. Мы рассмотрим определенно-личную ситуацию персональности в функционально-прагматическом варианте – адресантности на материале якутского языка.

В якутском языке в ядро функционально-семантического поля персональности входят наиболее эксплицитные, специализированные выразители лица – личные глагольные формы, личные местоимения, личное спряжение причастий, деепричастий, различных служебных слов, именная категория сказуемости, лично-возвратные местоимения. Эти средства определяют говорящее, действующее лицо сообщаемого факта как прямого субъекта состояния или процесса.

Морфологические категории времени, наклонения, числа и лица якутского глагола, участвующие в спряжении, по своему содержанию неразделимо связаны друг с другом, дополняя друг друга, они в совокупности составляют предикативность предложения. Категория лица глагола, определяя деятеля действия, выражает субъектно-предикативную связь в предложении. Субъект – носитель действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, всегда и во всех наклонениях, временах выражается личными формами глагола и соответствует одному из трех лиц участников/неучастников сообщаемого факта.

В якутском языке существует пять типов личного спряжения глагола для первого лица: 1) спряжение с аффиксами сказуемости (1-е л. ед. ч. *-бын*, множ. ч. *-быт*); 2) спряжение с аффиксами принадлежности (1-е л. ед. ч. *-ым*, множ. ч. *-быт*); 3) спряжение путем сращения связки *эт-* с аффиксами причастия (*быттаах* + 1-е л. ед. ч. *-ым*, множ. ч. *-быт*); 4) спряжение повелительного наклонения (1-е л. ед. ч. *-ыым*, множ. ч. *-ыах(-ыи)*); 5) спряжение недавнопрошедшего времени (1-е л. ед. ч. *-ым*, множ. ч. *-быт*) [21, с. 196].

В силу того что в якутском языке во всех временах и наклонениях субъект выражен личной формой глагола, то личное местоимение не имеет грамматической смысловой нагрузки, например, как в русском языке, поэтому употребляется факультативно. В большинстве высказываний субъект выражается специальными аффиксами лица глагола, а личные местоимения используются в высказывании для логического подчеркивания лица действия или состояния. Например, в высказывании *онгорбутум «я сделал»* понятие лица передается специализированным аффиксом лица глагола прошедшего времени изъявительного наклонения *-ум*. А в безглагольных

высказываниях личное местоимение имеет такую же грамматическую значимость в выражении лица, как и в русском языке: Дьининэн, дьыаланы толкуйдааччы, иилээн-саҕалаан ыгытааччы кистэлэ суох – *мин* [22, с. 65] – ‘На самом деле, изобретателем, ведущим этого дела, без секрета, являюсь я’. Лично-возвратные местоимения *бэйэм* ‘я сам’, *бэйэбит* ‘мы сами’ в функции субъекта также являются центральным средством персональности в якутском языке, так как в своем составе они имеют показатели лица – личные притяжательные аффиксы *-м*, *-бит*. Эти местоимения состоят из основы *бэйэ*, восходящей к монгольской *бие* ‘тело, организм, особа, личность, рост, сам’, с аффиксом принадлежности [2, с. 268]. Местоименное слово *бэйэм* замещает говорящего: Мин Серезхам харахтыр киһи. *Бэйэм* эрэ да кэриэтэ ииппитим, ол эрээри урут детсадка эмиэ сылдыан турардаах [20, с. 14] – ‘Мой Сережа человек с характером. Я почти сам его воспитал, но он также раньше ходил в детсад’. Эти местоимения употребляются также как модальные частицы, которые в вопросительном предложении, склоняясь в винительном падеже, действуют в качестве сказуемого. В таких случаях они означают недоумение, затруднение, нерешительность, сожаление говорящего: Аанчыкпын эмиэ хомоттум. Оо, дьэ хайдах буолуох *бэйэбиний?* [6, с. 11] – ‘Опять огорчил свою Анчик. О, что же мне делать?’ (букв. ‘Как мне самому быть?’).

Якутские деепричастия могут спрягаться по лицам. Аффиксы сказуемости принимают деепричастия на *-ан*, *-а/-ыы*, *-бакка*, *-мына*, *-аары* (*-ымаары*). Когда деепричастия выступают в качестве второстепенного сказуемого придаточного предложения, личное оформление их факультативно. Употребление деепричастия в личном оформлении вместе с основным глаголом усиливает значение действия, совершаемого субъектом: *Оонньооммун эппитим...* – эрэ диирбэр тийбитим, харахпыттан бөдөң таммахтары төкүнүтэ-төкүнүтэ [12, с. 83] – ‘Шутя сказала я... – пришлось мне сказать, прокатывая крупные слезы’. Деепричастие на *-а/-ыы* самостоятельно, не в составе аналитических форм, используется преимущественно в редупликативном виде. В этом случае оно может присоединять к себе аффиксы сказуемости: *бара-барабын*, *көрө-көрөбүн* ‘идя-идя+я’, ‘смотря-смотря+я’ [7, с. 31].

Деепричастия также могут самостоятельно выступать в качестве сказуемого, в этом случае их личное оформление обязательно. Деепричастие в восклицательном предложении, принимая аффикс сказуемости, превращается в сказуемое односоставного предложения: Оо, баҕайыны таах соҕотохтуу *ыытаммын!* [27, с. 56] – ‘О, зря я послал его, одного!’ (букв. О, зря *послав+я* его!). Деепричастия на *-ымына* и *-бакка* могут употребляться в качестве: а) сказуемого простого предложения: Эрдэттэн таһааран суорҕаммын дьэиэ таһыгар *кистээминэбин* [13, с. 66] – ‘Заранее надо было мне вынести одеяло во двор и *спрятать*» (букв. Заранее надо было *спрятав+я*); б) сказуемого главной части сложноподчиненного предложения: Кинини баҕас кулубалы олорон, сибирикэҕэ *симнэрбэккэбин* [18, с. 222] – ‘Зря я его *не заточил* в тюрьму, когда был главой налега’ (букв. Зря его *не заточя+я* в тюрьму).

Причастия, склоняясь по падежам и присоединяя к себе личные аффиксы притяжательного типа, образуют различные глагольные лично-отнесенные модальные конструкции. Например, причастие на *-ых* (*-ымыах*, *-ыа суох*) + личный аффикс притяжательного типа + род. падеж в сочетании с именами *сөп*, *син*, с причастиями *сатанар* и т.д. образуют форму желательного, возможного, долженствовательного действия: Ол ньыманы биһиги туһанан *көрүөхпүтүн сөп* эбит [22, с. 67] – ‘Этот способ мы, оказывается, *можем использовать*’. Причастия при предикативном склонении в вопросительной форме могут функционировать как независимые сказуемые: Оттон мин курдук кырдыаҕас киһи дьэиэҕэ хайтаран олорон куоракка туох быһылаан тахсарын хантан *билиэхпиний?* [11, с. 5] – ‘А мне, старому человеку, сидящему дома, *откуда узнать* о происшествиях в городе?’.

Как и в других тюркских языках, в якутском языке изменение по лицам не является особенностью только глагола, любое имя, причастие, частица в функции сказуемого тоже могут склоняться по лицам аффиксами сказуемости, т.е. функционируют в предикативном значении: Булуу сүннүүн *олохтообунабын*, онтон эн хантан сылдыаҕын? [15, с. 34] – ‘Я – *житель* окрестностей Вилюя, а ты откуда?’. Именные сказуемые, такие как: мин *ошонньорбун* ‘я – старик’ (сказуемое-существительное), мин *эдэрбин* ‘я – молодой’ (сказуемое-прилагательное), мин – *маннабын* ‘я здесь’ (сказуемое-наречие), мин – *иккистэрэбин* ‘я – второй из них’ (сказуемое-притяжательное порядковое числительное) и т.д., выступают как «носители признака, как понятия, отражающие статическое качество» [3, с. 117], и в то же время выражают настоящее неопределенное время. Именные сказуемые могут выражать и прошедшее время с помощью стяженной формы прошедшего категориального времени от вспомогательного глагола *эт-*, вступившего в сочетание с именем [8, с. 120]: Хаһан эрэ мин *итиннигим*: муһура суох *дьоллообум* [22, с. 160] – ‘Когда-то я был *таким*: я был безгранично *счастливым*’. Неглагольные сказуемые сочетаются с различными служебными словами. Если сказуемое выражено причастием или именными формами, то служебные слова нередко входят в состав сказуемого и, принимая на себя личные показатели, придают сказуемому особые оттенки значения: Мин чахчы да олохтон *хаалан иһэр эбитим* [Там же, с. 14] – ‘Я, *оказываюсь*, и вправду *отстаю* от жизни’. Такие высказывания выражают субъективную модальность, т.е. указывают на то, что «говорящий сообщает о факте, о котором он узнал от другого лица, или что сообщение является результатом неожиданного узнавания, внезапного умозаключения» [3, с. 114].

Рассмотренные грамматические показатели лица наглядно выражают основные свойства предикативности и сказуемости в якутском языке как выражение мысли, облаченной в форму суждения. Глагольные финитные формы отображают в качестве предиката действие, движение, а именные выражают предикат как сам предмет, носитель признака.

Иной характер отнесенности содержания сообщаемого и говорящего имеют такие высказывания, в которых средства выражения адресантности выполняют периферийную функцию. Например: (1) Бу дыбарыас дьоллоох

көмүс ньээкэ *уйам* этэ [16, с. 106] – ‘Этот дворец был *моим* счастливым *гнездом*’; (2) Түргэнник быһаардыннар диэбит *быһыым* [24, с. 106] – ‘*Говорю* о том, чтобы быстро решили’ (букв. Сказавшая *моя* форма о том, чтобы быстро решили); (3) *Уруһуйдүтүм* буоллар! [Там же, с. 11] – ‘Если бы я был *художником!*’ (букв.: Если бы *художник+мой!*); (4) Оттон билигин *баҕа санаам* кэмчи [22, с. 159] – ‘Теперь малого *желаю*’ (букв.: Теперь желание *мое* мало); (5) *Миэхэ* бастаан ыарахан, олус ыарахан этэ [4, с. 266] – ‘*Мне* сначала было трудно, очень трудно’. Все эти разные по структуре высказывания объединяются материально выраженной адресантной актуализацией – личным местоимением в косвенном падеже и посессивными аффиксами, выражающими принадлежность, отнесенность предмета, качества или действия, состояния говорящему лицу. Персональное содержание каждой коммуникативной единицы формируется на сигнификативном фоне предикативного лица [26, с. 102] соответствующей структурной схемы: синтаксической безличности (предложения 2, 3, 4, 5), 3-го синтаксического лица (предложение 1). В условиях такой грамматической среды слово, называющее адресанта, не может занимать позицию активного субъекта, и семантика 1-го лица выражается зависимой формой, т.е. личным местоимением в косвенном падеже *миэхэ* ‘мне’, именами с посессивными аффиксами *уйам* ‘мое гнездо’, *быһыым* ‘мое определение’, *уруһуйдүтүм* ‘мой художник’, *баҕа санаам* ‘мое желание’, которые имеют субъектно-объектное содержание. Аффикс принадлежности в предложениях (2, 3, 4) употреблен в качестве показателя субъекта действия, а в предложении (1) он выражает отношение предмета к 1-му лицу ед. числа.

По способу представления говорящим самого себя в качестве субъекта сообщаемого факта адресантная определенно-личность подразделяется на абсолютную, инклюзивную, ритуальную и экспрессивную [Там же, с. 101]. Абсолютная адресантность – прямое и непосредственное выражение отправителя речи в качестве конкретного участника сообщаемого факта в единственном лице и числе. Абсолютная адресантность может быть выражена и имплицитно. Определенная актуализация высказываемого без опоры на грамматические средства выражения персональности связана с особой ролью некоторых синтаксических структур, предполагающих позицию субъекта, которая может быть замещена только личным местоимением 1-го лица *мин* ‘я’ и личной формой глагола 1-го лица ед. ч., определяющими говорящее лицо. Например: (1) Утуйбут *киһи*... Ол эрэри уум кэлэн биэрбэт [22, с. 154] – ‘Поспать бы... Но сон не приходит’; (2) Анараата үөрүйбүэ бэрт быһыылаах, түстэ даҕаны тыа диэки эрбэкчийэ турда. – Эмиэ барда, айыкка бу сырыыга *экирэтиллэ* суоҕа, бэйэң тийиэр [28, с. 7] – ‘Тот, привыкший наверное, встав, побежал в сторону леса. – Опять ушел, хватит, на этот раз мне *не погоняться* за тобой, сам придешь’; (3) Таптаа? Оттон баар ини. Ол туһунан эчи *санаабыт да суох* [14, с. 25] – ‘Любовь? Наверное, существует. Об этом и *не думается*’ (букв.: Об этом *нет думающего*); (4) *Kиһи* сонуну биэрэр, оттон суруналыыстар тиэрэ суруйан таһаараллар, – диір Лука Соломонович [9, с. 4] – ‘*Человек* сообщает о новости, а журналисты пишут совсем про другое, – говорит Лука Соломонович’; (5) Кырдык, киниттэн тэйиччи соҕус *сырыттаха сатаныһы*, – Бориска бастаан кыһыа санаабыта арыый уҕарыйарга дылы буолла [5, с. 31] – ‘*Действительно, надо держаться* подалеже от него, – подумал Бориска, и его гнев притупился’. В каждом из приведенных примеров имеется незамещенная позиция субъекта-объекта. Такая позиция постоянна: а) в безличных предложениях, главный член которых выражен лексемой *киһи* ‘человек’ в сочетании с причастием (1-е предложение); б) в страдательных конструкциях (2-е предложение); в) в безличных предложениях с субъектом, выраженным причастием на *-быт* в сочетании с отрицательным именем *суох* ‘нет’, где лицо субъекта определяется из контекста (3-е предложение); г) в предложениях с формой 3-го лица ед. ч. вместо формы 1-го л. ед. ч., подлежащие которых замещены лексемой *киһи* ‘человек’ вместо личного местоимения 1-го лица *мин* ‘я’ (ср. *киһи сонуну биэрэр* ‘человек сообщает’ = *мин сонуну биэрэбин* ‘я сообщаю’) (4-е предложение); д) в инфинитивных конструкциях (5-е предложение).

Ситуации абсолютной определенности в некотором смысле противопоставлена *инклюзивная адресантность* – отнесенность сообщаемого к совокупному субъекту, с которым себя объединяет отправитель речи. Выражение инклюзивной адресантности происходит в целом в условиях, аналогичных абсолютной адресантности, но отличается тем, что семантический компонент множественности вносит некоторую неопределенность. Личное местоимение 1-го лица мн. числа *биһиги* ‘мы’ означает не просто группу лиц, включающую говорящего, но и варьирование различных составляющих ‘х’ в семантическом объеме: мы = я + х. Например: (1) *Иккиэн* тус туһунан *дьоллоохтут*. Эн – таптаатан, *мин* – туолбут ыраттан [10, с. 126] – ‘*Мы вдвоем* поразному счастливы. Ты – от любви, я – от сбывшейся мечты’ – ‘я + ты’; (2) Фронца киірэрбитигэр сахаттан биһиги чааспытгар *Николаев* эрэ *биһикки хааллыбыт* [23, с. 12] – ‘Когда мы наступали на фронт, из якутов в нашей части остались только *мы вдвоем с Николаевым* – ‘я + он’; (3) Муннаахха ыңырыллыбыт тутуу кырдыҕас улэһиттэриттэн сорохторо кыаттарбата буолуо диэн көрдүлэр. Ону *эдэрдэр өрө туран кэбистибит* [20, с. 18] – ‘Из приглашенных на собрании старших работников строительства некоторые попытались возразить неодолимость этой проблемы. Но *мы, молодые, опровергли* это’ – ‘я + они’; *Биһиги* да айылҕа оҕолоро *буолахпыт эбээт*. Сирбит-уоппут, уубут киртийэн араас ыарыыга *ылларабыт, сутэбит-оһобут* [15, с. 145] – ‘*Мы* тоже являемся *детьми природы*. *Мы* заболеваем разными болезнями, от того что загрязняется наша земля, вода’ – ‘я + все’ и т.д. Определенность выражается при наличии в контексте соответствующих персональных актуализаторов, уточняющих содержание личного местоимения *биһиги* ‘мы’: собирательного числительного *иккиэн* ‘вдвоем’, специального якутского двойственно-собирательного местоимения *биһикки* в сочетании с именем Николаев – ‘мы с Николаевым’, лексем *эдэрдэр* ‘молодые’, *айылҕа оҕолоро* ‘дети природы’.

Абсолютной и инклюзивной адресантности противопоставлена ситуация *ритуальной адресантности*. Она означает самовыражение говорящего, подчиненное определенным социальным установкам, своеобразным нормам. Случаи ритуального самовыражения возникают в результате метафорического переосмысления

местоимения *биһиги* ‘мы’ и соответствующей глагольной формы мн. ч. для обозначения единичного говорящего. Это употребление называется иногда авторским ‘мы’. Такое употребление характерно для монологической речи книжных стилей: публицистических и научных. При этом в публицистике, а также нередко и в художественной прозе, выражение отправителя речи с помощью лексемы и глагольных форм мн. числа вместо единственного обусловлено стремлением говорящего к достижению эффекта объективного повествования [26, с. 105]: Омар Хайям рубаиларын уратыларын тэнэ кистэлэңнэрин *билиэхпитин наада* [18, с. 3] – ‘Мы должны узнать об особенностях, а также о секретах рубаи Омара Хайяма’.

Говорящий может использовать множественное число вместо единственного при 1-м лице, 2-е лицо вместо 1-го лица для создания добавочной экспрессии. Такое самовыражение говорящего условно можно называть *экспрессивной адресантностью*. В первом случае экспрессивная адресантность создается за счет употребления местоимения *биһиги* ‘мы’ и соответствующей глагольной формы в метафорической функции, когда отправителем речи понимается конкретный единичный субъект. Например: Кини хайҕаабыҕа диэн суох, анардасты куһаҕаны хасыһар. Онтон сүрдээбин астынар курдук. Эрэйдээх табаарыс. Чэ, *көрүөхлүт*, төһө өр итинник сылдьар эбит... [10, с. 6] – ‘Нет того, чего бы он похвалил, только в плохом копаются. Трудный товарищ. Ну, *посмотрим*, насколько долго так будет жить...’. В таком употреблении формы преследуется цель «самоутверждения говорящего» [19, с. 534]. Говорящий мнимой множественностью субъекта речи усиливает свою реакцию на реплику партнера: Бу да кини! Сэнээбиккиттэн тотуоң диэн өс хоһооно баар дии, *биһиги* даҕаны дьонтон туох итэҕэстээх *үһүбүтүү?* Аҕыйах уонча тыһыынчаны *ааҕаа иһибит*, – диэн баран БосхоТөбө кинитин өтөрү көрдө [1, с. 22] – ‘Ну ты и человек! Есть же поговорка: «Получишь сполна у того, кого ни во что не ставил», *мы* то чем хуже людей? Несколько десятков тысяч *сможем посчитать*, – сказал Незакрепленная Голова и пронзил взглядом’. Экспрессивное самовыражение говорящего формой 2-го лица ед. ч. вместо формы 1-го лица ед. ч. встречается обычно в монологических речах: Бэйэң мөлтөххөр, бэйэң куһаҕаңнар институту *буруйдаарыгынаҕын дуо?* – диэн Саргылана бэйэтин бэйэтэ сэмэлэнэн кэллэ [4, с. 112] – ‘Из-за того, что сама плоха, сама слаба, *хочешь обвинить* институт? – Саргылана сама себя упрекнула’. Без специальных выразителей лица такая разновидность адресантности может передаваться при использовании страдательного залога в 3-м лице ед. числа: Оо, эн бэйэлээх тылгын толорбот буоллахпына ким тылын толорумуй! Умнар диэн кэлиэ дуо, *умнуллуо суоҕа!* [16, с. 117] – ‘О, чью же просьбу мне исполнить, если не твою! Забывать не возможно, *не позабудется!*’.

Таким образом, персональная ситуация адресантности включает все содержательные элементы высказывания, имеющие отношение к семантике лица. На примере персональных ситуаций определенноличной адресантности мы рассмотрели морфологические, синтаксические, лексические и контекстуальные средства выражения категории персональности в якутском языке. Название лица говорящего может включаться во многие синтаксические модели, с учетом контекста и речевой среды. Персональная ситуация адресантности располагает значительным прагмасемантическим потенциалом: образ говорящего выражается прямо, в составе группового субъекта, в социально обусловленных функциях, а также с различными экспрессивными наращиваниями на референцию субъекта-адресанта.

Список литературы

1. Бочкарев В. В. Үөрбүччэ. Дь.: Бичик, 2009. 160 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. Ч. 1. Фонетика. Морфология. 496 с.
3. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л., 1987. 160 с.
4. Данилов С. П. Сүрэх тэбэрин тухары. Дь.: Сахаполиграфиздат, 1996. 672 с.
5. Егоров В. Н. – Тумарча. Кырыыстаах таас. Дь.: Бичик, 2007. 248 с.
6. Егорова Н. П. – Намылы. Дьахтар абылыыр айылгыта. Дь.: Бичик, 2013. 144 с.
7. Коркина Е. И. Дееспричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1985. 208 с.
8. Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970. 307 с.
9. Кыым: общественно-политическая газета. Якутск, 2010. 17 июня.
10. Лугинов Н. А. Мэндизмэннэр. Я.: Якутское книжное издательство, 1986. 200 с.
11. Марков С. С. Хаайыылаах дьылҕата. Дь.: Бичик, 2009. 160 с.
12. Михалева Н. В. – Сайа. Аата суох сибэки. Дь.: Бичик, 2009. 224 с.
13. Мордин Н. Е. – Амма Аччыгыя. Пьесалар. Уочаркалар. Якутск: Кн. изд-во, 1966. 330 с.
14. Нельбисова Г. В. Кытылга кыыс ытыыра. Дь.: Бичик, 2005. 96 с.
15. Нехоруков В. Ф. – Дылбаны. Харах уулаах таптал. Дь.: Бичик, 2009. 224 с.
16. Ойуунускай П. А. Талыллыбыт айымньылар. Дь.: Бичик, 1993. Т. II. 442 с.
17. Орто дойдуну сонуннара: общественно-политическая газета. Якутск, 2010. 18 ноября.
18. Попов Л. А. Тоҕой Сэлэ. Якутск: Кн. изд-во, 1976. 256 с.
19. Русская грамматика / ред. кол. Н. Ю. Шведова и др. М.: Наука, 1980. Т. I. 784 с.
20. Руфов С. Т. Зыр-Зыр. Дь.: Бичик, 2002. 304 с.
21. Саха билини тыла. Морпонуогуя. Дь.: Бичик, 2009. 288 с.
22. Сивцева С. Я. – Даана Сард. Ааспыт ааспат амтана. Дь.: Бичик, 2008. 192 с.
23. Сметанин Т. Е. Егор Чээрин. Дь.: Бичик, 2005. 72 с.
24. Татаринова А. Н. – Леди Муус. Ахтылҕан. Дь.: Бичик, 2011. 384 с.
25. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. 369 с.
26. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 180 с.
27. Хотугу сулус: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1969. № 2.
28. Чолбон: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2013. № 1.

**PERSONAL SITUATION OF ADDRESSER'S DEFINITE-PERSONAL NATURE
(BY THE MATERIAL OF THE YAKUT LANGUAGE)**

Kharabaeva Viktoriya Ivanovna

*Institute of Classical Researches and Problems of Smaller Peoples
of the North of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
stabilo.83@mail.ru*

The author discusses the personal situation of definite-personal addresser determination as a way to manifest the speaker's position or as a functional-pragmatic variant of speech sender's representation in the statement by the material of the Yakut language, in order to reveal the personal situation of addresser determination considers the functional-semantic field of appropriate means of personal nature expression, central and peripheral ones, and pays special attention to the functioning of personal affixes and to the revelation of the non-grammatical means of expressing personal nature, as well as the manifestation of pragmatic-semantic potential of personal situation of addresser determination in the Yakut language.

Key words and phrases: personal nature; personal situation; addresser determination; central and peripheral means; Yakut language; personal form of verb; affixes of person; personal pronouns; noun category of predication.

УДК 8:81

Филологические науки

Статья посвящена описанию понятий вежливости и вежливого поведения на материале современного русского языка, а также анализу некоторых лексических единиц, входящих в семантическое поле этих понятий. В статье выявлены отличительные признаки вежливости как характеристики коммуникативного поведения человека, предложено толкование понятия, обозначающего такое поведение. Анализ слов «вежливо», «вежливый», «вежливость», образующих ядро семантического поля вежливости, позволяет определить смысловые компоненты, формирующие это понятие, а также существенно дополнить описания указанных единиц, предложенные в современных толковых словарях.

Ключевые слова и фразы: филология; лингвистика; вежливое поведение; вежливость; этикет.

Хесед Лидия Александровна

*Российский государственный гуманитарный университет
Lidakhe@yandex.ru*

КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ И ОПИСЫВАЮЩАЯ ЕЁ ЛЕКСИКА[©]

Статья выполнена в рамках научно-исследовательского гранта РГНФ № 12-34-01366 от 29.11.2012.

Предметом исследования в данной статье является понятие вежливости в современном русском языке, а также слова *вежливо, вежливый, вежливость*, входящие в семантическое поле этого понятия. Вежливость как характеристика коммуникативного поведения неоднократно становилась объектом научного изучения лингвистов [2; 4; 5; 6; 14], однако существует целый ряд аспектов, связанных с категорией вежливости, которые заслуживают более детального рассмотрения. В частности, до сих пор не сформулировано достаточно полного определения понятия «вежливость» и не описан целый пласт лексики, который отражает разные типы и инструменты вежливого поведения человека. Не ставя перед собой задачи предложить в данной статье исчерпывающее описание указанного понятия, мы остановимся лишь на некоторых его смысловых компонентах.

Анализ понятия «вежливость» мы начнём со слов *вежливо, вежливый, вежливость*, составляющих его семантическое ядро. Все перечисленные единицы были предметом описания толковых словарей [1, с. 115-116; 10, с. 76; 11, с. 145; 12, с. 241], которые практически всегда определяют значение этих слов через синонимы: *Вежливый* – ‘учтивый, благовоспитанный, приличный’. Наиболее удачным является описание слова *вежливо* (а также его синонимов *галантно, учтиво, любезно*), предложенное Т. В. Крыловой в соответствующей статье Нового объяснительного словаря синонимов, ср: «Вежливо – демонстрируя в установленной этикетом форме уважительное и благожелательное отношение к другому человеку и удовольствие от общения с ним» [9, с. 30].

Согласно этому толкованию, вежливое поведение состоит в демонстрации установленного этикетом определённого отношения к человеку – ‘уважительного’ и ‘благожелательного’, а также ‘удовольствия от общения с этим человеком’.

На наш взгляд, и это подтверждают многие примеры, в частности, взятые нами из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8], можно быть вежливым человеком, но при этом не демонстрировать уважения и доброжелательности по отношению к собеседнику, ср. пример (1):

(1) – *Попросите, пожалуйста, Джамала, – прозвучал приятный мужской голос.*

– *Вы не туда попали, – вежливо ответила Ирина и положила трубку* (НКРЯ. В. Токарева. Своя правда) [Там же].